

ных символов включает идейное наполнение символического пространства, а также ограничение сферы действия (тексты священных писаний и цитаты из них, высказывания религиозных лидеров). Например, структурирование мира на «свою» и «чужую» территорию находит следующее выражение в религиозных символах ислама: в исламе мир разделен на дар аль-ислам («территория ислама») и дар аль-харб («территория войны»).

К религиозным символам-действиям (ритуалам) относится весь спектр религиозных праздников и религиозных действий. Любое действие (политическое или религиозное) становится символическим, если оно выполняет функцию ритуала. Религиозные архитектурные памятники, священные места, эмблемы, геральдика, флаги, священные книги можно объединить в группу религиозных

символов-объектов. Религиозные гимны, молитвы, песнопения, славословия – все это религиозные символы-звуки. Музыкальный звукоряд становится символом, если он приобретает добавочное значение к своему непосредственному смыслу. Религиозные символы-персоны включают не только имена святых, религиозных лидеров вплоть до мифических, легендарных личностей, но и наименования религиозных направлений, а также религиозных организаций, имеющих символическое значение.

Религиозные и политические символы взаимодействуют друг с другом. Например, религиозная символика может быть включена в структуру государственных символов, изображаться на гербах, флагах, эмблемах. Политические церемонии часто содержат элементы религиозных ритуалов и т.п.

Литература

1. Родионова С.А. Символ // Постмодернизм. Энциклопедия. М., 2001.
2. Lexicon zur Sociologie / Hrsg. W. Fuchs u.a. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1978.
3. Theodorson G., Theodorson A. A Modern Dictionary of Sociology. New York, 1969.
4. Ар-Рантиси А.А. Обращение к палестинскому народу: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.palestine-info.ru/lics/rantisi/08.html>
5. Специальное интервью Палестинского информационного центра с шейхом Ахмадом Ясином – духовным лидером движения «ХАМАС»: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.palestine-info.ru/lics/jasin/07.html>
6. Коровников А.В. Исламский экстремизм в Арабских странах. М., 1990.
7. Грибанкина Н.В., Степнова Л.А. Политический символ как средство политического воздействия // Политические технологии. 2002. № 5.
8. Мисюров Д.А. Политическая символика: между идеологией и рекламой // Полис. 1999. № 1.

Н.А. Люрья

СМЕРТЬ И БЕССМЕРТИЕ КАК ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Томский государственный педагогический университет

Величайшее чудо этого мира в том,
что все должны умереть, но никто
не помнит этого; и другое –
каждый благословлен
Богом, но никто не знает этого.

Мы возвращаем Богу то, что Он нам дал.

Нирмала Шривастава

Проблема смерти для человека во все века представлялась одной из самых значимых и загадочных. С того самого момента в детстве, когда ребенок осознал, что все закончится, и все умирают, и до глубокой старости она волнует каждого. Но самое удивительное, что человек не помнит об этом все время и не знает свой срок жизни и час своей кончины. Может, гораздо полезнее было бы, чтобы он знал, сколько времени ему отпущено и когда он умрет? Если бы для жизни человеческого существа

это было важно, то, наверно, это было бы дано ему. В этой статье мы постараемся дать свою версию ответа на этот вопрос.

Известно, что часто люди, знающие о своей близкой неизбежной кончине, резко меняют стиль жизни: они начинают переоценивать свои поступки, пересматривают свои установки и ценности, раскаиваются в своих ошибках, стараются что-то исправить, сделать добро близким, пожертвовать состояние, короче, проявить самые высокие духов-

ные качества. Причем такое поведение свойственно как религиозным, верующим, так и не верующим, атеистам. Если после смерти ничего нет, тогда зачем эта суета? Говорят, чтобы оставить хорошую память о себе потомкам. Но для смертного тела какая разница, что останется после его разложения? И все-таки интуитивно человек ведет себя так, как будто продолжение будет, и тогда придется держать ответ за свою прожитую жизнь на Высшем Суде (суде своей совести, которая знает, что хорошо и что плохо; перед таинственной Душой; перед Вышшим разумом). Неважно, как назвать это высшее начало, но это поведение обнаруживает перед смертным разумом уверенность в существовании некоей бессмертной природы, перед которой ответствен смертный. Ее наличие доказывают и ситуации повседневной жизни обычного человека. Определенно существуют такие жизненные ситуации, когда человек решается пожертвовать самым дорогим, что ему дано – своей жизнью. Такие ситуации всем известны – это и спасение ребенка, это и жертва собой во имя гуманных целей, своих идеалов, что доказывает, что существует нечто более высокое, чем наша земная смертная природа.

Создается такое впечатление, что Создатель запустил механизм и наблюдает, как человек пользуется дарованной ему свободой. Испытание Свободы – иначе можно назвать жизнь. Если Душа живет вечно, или верна концепция перевоплощения, тогда не понятно, почему человеку не дано знание его прошлых жизней, прошлых ошибок для того, чтобы он их мог впоследствии исправить? Если Душа перевоплощается многократно, а Бог испытывает человека и дает ему все новые и новые возможности, то чего Он добивается, каких результатов? Во всяком случае, можно предположить, что знание прошлого не нужно, а может быть, бесполезно только в том случае, если проверяется (или контролируется) на Высшем Суде нечто очень простое, что не зависит от исторического времени, одинаково для любой страны, любой культуры, любого времени и географических условий. Это может быть то, о чем умирающий думает на смертном одре: «сколько я сделал добра людям, кого любил, что дал родным, стране, Богу, был ли предателем или честным, кому навредил и т.д.». Для каждого из живущих эти критерии почти совпадают, они известны с самых древних времен, запечатлены в священных текстах и известны всем существующим религиям как Божественные заповеди, Универсальные Законы Вселенной, а именно – непреходящие ценности Добра, Творчества, Любви, Красоты, которые всегда служили и продолжают служить критерием порядочности человека, будь то семьянин, политик или президент.

И все же пока нет ответа на основной вопрос.

Проявление высшего начала в человеке в его земной жизни – это его свобода. Свобода – это бесценный дар, который по сути позволяет выйти за пределы наличного бытия, это потенциальная возможность выйти за любые границы, преодолеть любые препятствия, потенциальная бесконечность возможностей, безграничность действий, мыслей, желаний... И здесь – парадокс – в пределах земной жизни. Сама сущность свободы бунтует против любых границ. А как же граница жизни? Нелогично ограничить это данное человеку качество каким-то временем, интервалом земной жизни.

И здесь мы подходим к ответу на поставленный вопрос. Божественное качество – свобода – не отнимается у человека в конце жизни, а сохраняется, и это логически возможно, если человек волен выбрать и свой конец также: остаться смертным и умереть или выбрать бессмертие. Чтобы выбрать второе, прежде всего надо получить знание – не книжное, выученное, сообщенное или данное кем-то, но знание сокровенное, истинное, уникальное и индивидуальное – знание, как преодолеть смерть («Познай себя и ты познаешь Богов и Вселенную» – Сократ). О самопознании как преодолении границ между человеком и мирозданием, о переживании единства между ними говорится в Евангелии от Филиппа [1]. О необходимости познания себя как ступени к познанию Высшего начала говорится во всех религиях. Кроме знания человек должен в жизни своей выполнить определенные «простые» условия – Вселенские Законы, по которым он судится в конце жизни. Не случайно религии говорят о времени Страшного Суда, Последнего Суда, Апокалипсисе как переходном состоянии этого периода. И тогда человеку дается возможность осуществить свою свободу выбора. Человек в самом себе имеет совершенный механизм своей дальнейшей эволюции. Действительно, не об этом ли говорят все древние, тайные знания в иносказательной, метафорической, символической форме, когда говорят о Спасении, Втором рождении, Воскресении, рождении в Духе. Не случайно все религии говорят об этом событии как цели и смысле человеческого существования.

Каким образом это происходит, говорится в тех же священных текстах, сокровищнице вечных истин, например в гностических Евангелиях [2].

В апокрифическом Евангелии Иоанн спрашивает Иисуса Христа о душах, получивших свет знания, будут ли они спасены, на что Господь отвечает: «Те, на кого Дух жизни спустится и будет с силой, – будут спасены, и станут совершенными, и будут достойны величия, и будут очищены в этом месте от всего злодеяния и заботы испорченности. И нет у них иной заботы, если не одна нерушимость, о которой они станут заботиться из этого места, без

гнева, или ревности, или зависти, или желаний, или алчности ко всему. Они не заботятся ни о чем, кроме существования одной плоти, которую они несут, ожидая время, когда они будут встречены принимающими. Таковы суть достойные нерушимой вечной жизни и призыва. Они сносят все и выдерживают все, так что они свершат благое и унаследуют жизнь вечную». Далее Иоанн спрашивает о душах, которые «впадают в заблуждение»: «Господи, а эти души, когда они выйдут из плоти, куда они отправятся?» – на что Иисус отвечает: «В тех дух обманчивый набрал силу, когда они впали в заблуждение. И он томит душу, и совращает ее к делам лукавства, и бросает ее в забвение. И после того, как она выйдет (из тела), ее отдадут властям, тем, которые произошли от архонта, и они сковывают ее оковами и бросают ее в темницу и кружат ее до тех пор, пока

она не пробудится от забвения и не достигнет знания. И подобным образом, когда она станет совершенной, она спасена» [3, с. 213–214].

Нам не дано знать час своей смерти именно потому, что он действительно не определен, человек в своей свободе волен выбрать свою судьбу, и в этом проявляется его божественная сущность. Он сам волен (в дарованной ему свободе) выбрать бессмертие. Это не то примитивное бессмертие, как круговое вращение в тяготах жизни (сансара), а это – обретение своей высшей природы, которую он может получить, пользуясь божественным даром – свободой, возвращая Богу то, что Он нам дал. В этом и заключается ответ на поставленный вопрос: нам не дано знать час своей смерти, потому что мы в своей смертной природе можем стать бессмертными!

Литература

1. Евангелие от Филиппа // Апокрифы древних христиан: Исследование, тексты, комментарии. М., 1989.
2. Апокрифы древних христиан: Исследование, тексты, комментарии. М., 1989.
3. Апокриф Иоанна // Апокрифы древних христиан: Исследование, тексты, комментарии. М., 1989.

Н.И. Сазонова

ПРАВОСЛАВНЫЙ БОГОСЛУЖЕБНЫЙ ТЕКСТ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРАВОСЛАВНОГО РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ

Томский государственный педагогический университет

Православное богослужение, складывавшееся на протяжении веков, представляет собой чрезвычайно сложную систему, элементами которой являются архитектура (храмовая), живопись (иконопись) и, наконец, богослужебный текст, то есть текст молитв, с которыми верующий обращается к Богу. При этом само богослужение определяется православными богословами прежде всего как личное общение человека с Богом, вершиной которого является таинство Евхаристии. Это таинство, совершаемое во время литургии, – единственное из православных таинств, в котором Христос присутствует не только Своей благодатью, но и лично. Ощущением личного присутствия Бога, личного с Ним общения пронизан и весь строй богослужения. Православное богослужение, по сути, вхождение человека из мира земного в «мир иной».

Особенности православного богослужения во многом сформированы этой его задачей и основным смыслом. Важным принципом, на котором во многом строится восприятие верующим настроя

богослужения, является принцип «обратной перспективы», многократно рассмотренный исследователями применительно к христианскому искусству, прежде всего – иконописи. В частности, П.А. Флоренский в работе «Иконостас» показал, что принцип изображения на иконах строится на видении изображаемого не извне, с позиции зрителя, а изнутри данной иконы и шире, в целом «мира иного» [1]. Такова позиция как иконописца, так и встроеного в эту ситуацию человека, смотрящего на икону глазами веры, то есть с точки зрения реального общения с Божеством или изображенным святым. К этой позиции близка и точка зрения Б.А. Успенского, который отмечает: «Древний художник не может (или не стремится) изобразить просто стол, поскольку реально стол этот находится в окружающем его пространстве: поэтому художник должен изобразить прежде всего само это пространство (и здесь ему способствует динамическая зрительная позиция) и тем самым как бы поместить нас внутрь изображения... Тем самым конкретный объект да-